

ДЕРЕВЯННЫЕ НАВЕРШИЯ – «БУЛАВЫ» В БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Шаровидные навершия или «булавы» – одна из распространённых, но в то же время загадочных категорий деревянных изделий средневековой эпохи. В настоящее время наиболее приемлемой является их интерпретация, как ритуальных предметов. Сравнительный анализ самых значительных коллекций деревянных «булав» из Новгорода и Вильнюса позволяет выявить единую традицию их использования в балто-славянском регионе.

Ключевые слова: средневековая археология, деревянные изделия, навершия, ритуальные предметы.

Spherical wooden «knobs» or «maces» one of the most common, but at the same time, mysterious categories of wooden products of the medieval era. At present, the most acceptable is their interpretation, as ritual objects. Comparative analysis of the most significant collections of wooden «maces» from Novgorod and Vilnius makes it possible to reveal a common tradition of their use in the Baltic-Slavic region.

Keywords: medieval archeology, wooden products, knobs, ritual objects.

Археологическое изучение средневековых городов Руси существенно дополняет сведения письменных источников. На основании анализа ряда категорий археологических находок установлено, что древнерусская культура имела существенные региональные различия, в то же время, многие её элементы находят аналогии на сопредельных территориях. Одной из таких категорий являются так называемые сферические или шаровидные навершия – деревянные стержни с завершением в виде шара, на которое в ряде случаев наносился резной орнамент. В литературе такие предметы нередко именуют «булавы» или «жезлы». В ходе археологических исследований шаровидные деревянные навершия были обнаружены в ряде городов Западной и Северо-Западной Руси, а также за её пределами, в городах Прибалтики [Рис. 1].

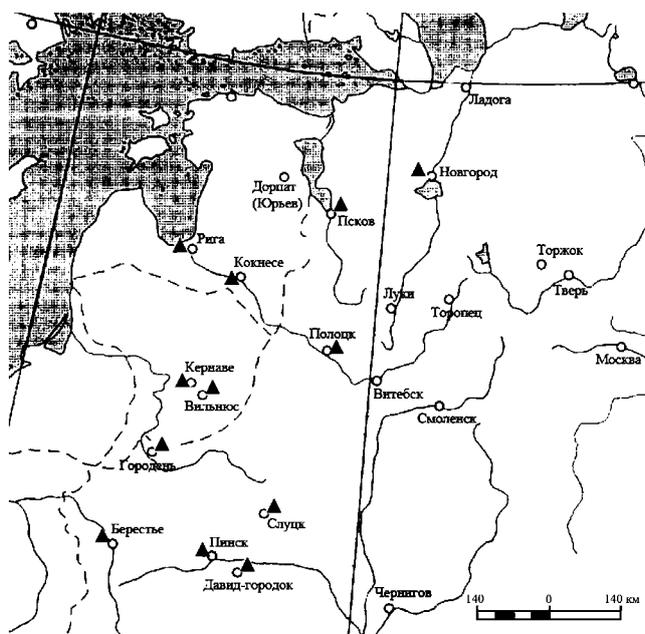

Рис. 1. Карта распространения сферических деревянных наверший

Сферические навершия – «булавы» входят в большую группу деревянных изделий, наряду с аналогичными предметами с завершением в виде голов животных, птиц, руки, держащей некий предмет, или геометрической фигуры. В настоящее время большинство исследователей определяет эти находки как ритуальные и связанные с дохристианскими культами. Впервые такое предположение высказал А. В. Арциховский, относительно наверший, обнаруженных в древнем Неревском конце Новгорода [4, с. 33]. Эта идея в разное время была поддержана и другими исследователями новгородских древностей [5, с. 80–81; 10, с. 645–650, 9, с. 70–72]. Б. А. Колчин первым выделил сферические навершия в особый тип и подразделил их на орнаментированные «булавы», отличавшиеся массивностью рукояти и большим диаметром сферы-завершения, и навершия без орнамента (гладкие). Неорнаментированные навершия исследователь относил к языческим культовым предметам, но по поводу орнаментированных «булав» высказывал предположение, что они могли использоваться в качестве оружия или символов власти уличанской администрации [6, с. 20, 46]. Б. А. Рыбаков, также основываясь на новгородском материале, выдвинул гипотезу о генезисе шаровидных наверший из антропоморфных жезлов X–XI вв. Орнаментированные «булавы» он относил к атрибутам языческого праздника Русалий, который проводился в начале лета. Поводом для такого утверждения стало сопоставление этих предметов с известными по этнографическим данным болгарскими русальными жезлами – тогьями [10, с. 645–647]. При этом гладкие навершия в своих построениях автор не учитывал. Л. В. Покровская, напротив, объединила гладкие и орнаментированные навершия, определив хронологию их бытования как X–XIV вв. и осторожно связав некоторые мотивы орнамента с солярной символикой [9, с. 71–72]. Анализ коллекции находок из Людина конца Новгорода (Троицкий раскоп) с попыткой сопоставления с прибалтийскими материалами и некоторыми соображениями по семантике формы и орнамента изделий был сделан автором этой статьи [11, с. 275–280]. К гипотезе о культовой принадлежности деревянных «булав» склоняются латышские и литовские исследователи. В работе А. Цауне они рассматриваются вместе с, безусловно, культовой антропоморфной скульптурой [1, р. 380–388]. Исследовавшая литовскую коллекцию наверший И. Каминскайте также выдвигает ритуальную версию, как наиболее вероятную [2, р. 164–167]. Специальных исследований по белорусским материалам нет, но при упоминаниях о находках деревянных «булав» в публикациях отдельных памятников и энциклопедических изданиях, они определяются как ритуальные предметы [12, с. 91; 7, с. 203; 3, с. 419].

Несмотря на перечисленный ряд публикаций, конкретные вопросы семантики и характера ритуального использования де-

ревянных наверший остаются на уровне трудно доказуемых гипотез. Прямых этнографических параллелей применения таких предметов в каких-либо обрядах неизвестно. Версия Б. А. Рыбакова о болгарских аналогиях не выдерживает критики, как и его же гипотеза о генезисе сферических жезлов из антропоморфных. Этнографическое описание болгарских тогя не соответствует морфологии деревянных «булав», а антропоморфные и сферические жезлы бытовали в одни и те же периоды [11, с. 282–283].

Дальнейшее изучение этой загадочной категории предметов должно заключаться не в произвольном поиске этнографических аналогий, а в систематизации самого археологического материала. Прежде всего, необходимо очертить территориальные границы распространения деревянных «булав». Картография находок указывает на то, что их использование с одной стороны, не являлось исключительно древнерусской или даже восточнославянской традицией, с другой, охватывает ограниченную территорию, связанную с балтским и славянским населением, но не совпадающую со средневековыми этническими и политическими границами. Шаровидные навершия, кроме Новгорода, были обнаружены при раскопках Пскова, городских слоёв Риги, городища Кокнесе [1, р. 375–390], посадов литовских городов Вильнюса и Кернаве [2, р. 151–170]. На территории Беларуси такие находки были сделаны в культурном слое Полоцка, Гродно, Берестея, Давид-Городка, Пинска и Случка [7, с. 201, 203, рис. 72; 12, с. 91, рис. 49, 1–2; 3, с. 419]. Хронологические рамки находок довольно широки, они встречаются в культурном слое практически весь средневековый период с X по середину XV вв.

География находок в сочетании с их вероятной культовой принадлежностью позволяет возводить семантику деревянных «булав» к единой балто-славянской традиции. Но, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходима не только картография, но и сравнительная характеристика самих коллекций с целью установления единства либо различия в традиции их изготовления и применения. Наиболее значительными по количественному составу в настоящее время являются коллекции сферических наверший из Новгорода и Вильнюса. Сопоставление этих памятников, один из которых принадлежит преимущественно к славянской традиции, второй – преимущественно к балтской, правомерно и с точки зрения их схожего социально-политического и культурного значения.

Новгородская коллекция деревянных сферических наверший в настоящее время включает в себя около 220 экз. находок. Основная их масса происходит с двух крупнейших раскопок (Неревского и Троицкого), расположенных, соответственно, в древнейших Неревском и Людином концах средневекового города [Рис. 2; 1–6]. Преимущественно это гладкие навершия со сферой-завершением, расположенным по центру или сбоку от рукояти. Рукоять у большинства изделий обломана. Но по имеющимся целым экземплярам можно выделить, как навершия с небольшой рукоятью (до 15 см), так и предметы на длинной ручке (до 50–70 см). У некоторых экземпляров на рукояти имеются зарубки. Диаметр сферы-завершения не соотносится с размерами рукояти, массивные шары могут покоиться на тонких и коротких стержнях, равно как и небольшие по диаметру – на толстых рукоятях. Изучение параметров орнаментированных наверший также показало, что у них отсутствует корреляция между размерами стержня и наличием орнамента на сфере-завершении. Далеко не все орнаментированные экземпляры можно охарактеризовать словом «булавы», так как у некоторых из них стержни слишком тонкие, а сфера-завершение располагается сбоку. Орнамент на завершениях различный: от нескольких волнистых линий, до богатой орнаментации в виде лепестков, розеток, волют, «бегунка», концентрических кругов, борозд и пр. С Неревского конца происходит и целый экземпляр «булавы», у которой орнамент нанесён не только на само навершие, но и на рукоять.

При анализе новгородского материала выявлены незначительные различия между комплексами Неревского и Людина концов. Состав находок Неревского раскопа (62 экз.) включает в себя как гладкие, так и орнаментированные предметы, последние составляют примерно пятую часть коллекции. Стратиграфическое распределение показало, что в этой части города они бытовали весь период с момента его возникновения и до середины XV в., при этом, в культурном слое они распределены

достаточно равномерно. С площади Троицкого раскопа происходит более сотни находок, около 16 % из которых орнаментированы. Хронология сферических наверший в Людином конце несколько отличается от прослеженной в Неревском. Это не равномерное распределение, а три пика популярности. Первый приходится на ранний период (X – начало XI в.). В первой половине XI в. количество находок несколько сокращается. Наибольшее количество шаровидных наверший выявляется в слоях второй половины XI – первой половины XII в. (около 37% находок). В начале XIII в. наступает спад, но во второй половине того же столетия эти предметы вновь становятся распространёнными. В слоях XIV–XV вв. в этой части города шаровидные навершия практически не встречены, но это может быть обусловлено спецификой исследуемой территории, где слои позднесредневекового периода имеют плохую сохранность органики. Нужно также отметить, что резкий спад количества деревянных наверший, на Троицком раскопе в начале XIII в., обусловлен не локальной утратой к ним интереса, а общей ситуацией на усадьбах Людина конца, связанной с разгромом новгородского боярского клана Мирошкиничей [13, с. 162–174]. Орнаментированные экземпляры на обоих раскопах встречены во все хронологические периоды, хотя несколько большее их количество относится к XIII–XIV вв.

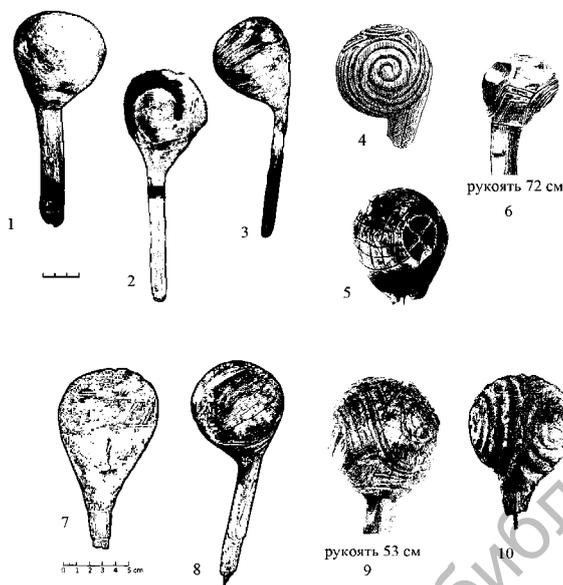

Рис. 2. Сферические навершия из раскопок Новгорода и Вильнюса

Коллекция деревянных шаровидных наверший Вильнюса в настоящее время также насчитывает более 200 предметов [Рис. 2, 7–10]. В основном они происходят из раскопок Нижнего замка, где хорошо сохранились деревянные постройки и находки из органических материалов. В литовских исследованиях такие предметы получили название «areiginės lazdos» или «lazdos su buoželėmis» - «обрядовые жезлы» или «жезлы с головками». Основная масса представляет собой деревянные стержни с гладким завершением сферической формы [Рис. 2, 7–8]. Как и в Новгороде, встречается как центровое, так и боковое положение сферы-завершения. Орнаментированные жезлы [Рис. 2, 9–10] составляют около 18% от всего количества предметов [2, р. 157], что практически совпадает с данными по новгородской коллекции. Параметры находок также имеют аналогии в новгородских материалах. Среди них как массивные «булавы» на длинных рукоятях, так и небольшие предметы с тонкими стержнями. Также, в коллекции имеется, по крайней мере, один экземпляр навершия с зарубками на рукояти. Обращает на себя внимание и схожесть отдельных орнаментальных мотивов (волюты, концентрические круги и пр.), иногда повторяющихся детально [Рис. 2, 4, 10; Рис. 2, 6, 9].

Навершия из Вильнюса датируются в целом второй половиной XIII – началом XV в. [2, р. 161]. Но это существенное отличие от новгородских материалов на самом деле таковым не является, так как более ранние слои в Вильнюсе отсутствуют. Поэтому, можно констатировать лишь относительное совпаде-

ние верхней хронологической границы находок. Большинство вильнюсских «булав», согласно проведённым анализам, изготовлены из дуба [2, р. 164], для новгородского материала такое исследование не проводилось.

Сравнение двух крупнейших коллекций сферических деревянных наверший показало единство морфологических признаков предметов. Оба памятника дают примерно одинаковый процент орнаментированных экземпляров, схожи и сами орнаментальные мотивы. Хронологические различия хорошо объясняются спецификой памятников, а не различием в традиции. Это подтверждает, что мы имеем дело с единой балто-славянской традицией. И общность семантики, и схожесть характера использования жезлов со сферическим завершением можно предполагать не только для двух рассмотренных памятников, но и всего региона распространения этих предметов.

Касаясь вопросов предназначения, можно сказать, что использование шаровидных жезлов в качестве ритуальных предметов остаётся наиболее приемлемой гипотезой. На такую функцию указывает, прежде всего, морфологические особенности: наличие рукояти, параметры которой не имеют существенного значения, и сферического завершения, несущего основную семантическую нагрузку. Параметры большинства как гладких, так и орнаментированных жезлов, не позволяют предположить их использование в качестве оружия. Подтверждением вывода об отсутствии утилитарной функции служит и то, что даже на массивных предметах не обнаружено каких-либо следов сработанности. Гипотеза использования шаровидных жезлов как символов власти также является крайне спорной, так как требует объяснения географического разброса находок по территориям, входившим в разные периоды в состав разных государственных образований. Однако Б.А. Колчин, выдвинувший эту версию, настаивал на такой интерпретации только для нескольких экземпляров орнаментированных «булав», схожих по морфологии и орнаменту с оружием. Действительно, такие предметы могли использоваться если не в качестве оружия, то в качестве каких-то его имитаций. Это само по себе не исключает их сакральную символику. Например, в новгородской традиции булава или палица выступает в качестве оружия Перуна [8, с. 90–91]. И. Каминскайте также указывает на возможную связь литовских деревянных жезлов с «громовыми» культами, указывая на то, что они изготовлены из дуба – дерева, тесно связанного с культом литовского Пяркунаса [2, р. 164]. Такая гипотеза хорошо объясняет и географический ареал их распространения, охватывающий земли со славянской и балтской традицией, где культ Громовержца имел схожую атрибутику и существенные параллели в фольклоре.

Таким образом, на основании полученных данных можно говорить, что сферические деревянные навершия связаны с единой, вероятнее всего, культовой традицией, охватывающей славянские и балтские земли. Сложные вопросы их семантики и предназначения должны рассматриваться в процессе изучения этих предметов не на одном конкретном памятнике, а по всему региону, где они обнаружены. Оно должно опираться, с одной стороны, на картографию находок, с другой, на комплексный анализ коллекций предметов с каждого памятника, включающий в себя типологию, хронологию, топографию, а также естественнонаучные исследования.

Автор статьи выражает благодарность научному сотруднику Национального музея «Дворец великих князей литовских» И. Каминскайте за помощь в ознакомлении с коллекцией деревянных наверший из раскопок Нижнего замка Вильнюса.

Литература:

1. Caune A. Rīgas 12.–13. gadsima antropomorfie kokgriezumi // Pētījumu Rīgas arheoloģijā. Rakstu izlase/ atb. red. A. Caune.. – Rīga, 2003. P. 375–390. 5 att.
2. Kaminskaitė I. XIII–XIV A. Medinės lazdos su buoželėmis: faktai ir hipotezės // Lietuvos archeologija. T. 34/ red. A. Simiškytė. – Vilnius. 2008. P. 151–170.
3. Археологія Беларусі Т. 3. Сярэднявекы перыяд (IX – XIII стст.)/ нав. рэд. П. Ф. Лысенко. – Мінск. Беларуская навука, 2000. – С. 554.
4. Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР № 55. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 7–42.
5. Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. – Москва : Наука, 1967. – 206 с.

6. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников/ отв. ред. В.К. Вагнер. Вып. Е1-55. – Москва: Наука, 1971. – 113 с.
7. Лысенко П. Ф. Туровская земля IX – XIII в. 2-е изд., Минск : Белорусская наука, 2001. – 267 с.
8. Новгородская IV летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – с. 690
9. Покровская Л.В. Культовые предметы средневекового Новгорода // Новоторжский сборник. История, археология, историческая география / Отв. ред. В.В. Кузнецов. Вып. 1. – Торжок: Изд-во Всероссийского историко-этнографического музея. 2004. – С. 65–85
10. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. – Москва : София Гелиос, 2001. – 744 с.
11. Тянина Е. А. Шаровидные деревянные навершия средневекового Новгорода // Исторические исследования, № 3 (2015) [Электронный ресурс], С. 270–285. – Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/51/135>
12. Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.
13. Янин В. Л. Новгородские посадники. – Москва : Языки славянской культуры, 2003 – 512 с.